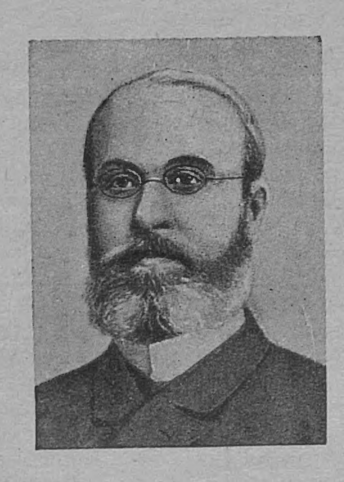

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 37 Понедѣльникъ, 3 (16) октября 1905 г. № 37

Правитель дѣлъ и членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати тайн. сов. В. С. Адикаевскій. (Къ 50-лѣтію государственной службы).

Новый попечитель московскаго учебнаго округа А. Н. Шварцъ.

Новый военный губернаторъ Терской области А. М. Колюбакинъ.

Извѣстный англійскій публицистъ мистеръ Стэдъ. (Къ путешествію его по Россіи).

Наша армія и миръ.

(Изъ дневника военнаго корреспондента).

Окончаніе мирныхъ переговоровъ принесло арміи прежде всего успокоеніе, благодаря ясно опредѣлившемуся выходу изъ положенія, полнаго тревоги и противорѣчій. Это прекращеніе мучительныхъ колебаній имѣло благопріятное дѣйствіе даже на ту часть арміи, которая съ сокрушеніемъ смотрѣла на миръ, какъ на преграду, мѣшающую искупить хотя бы одной побѣдой нашъ хроническій военный неуспѣхъ.

Что касается оцѣнки мира по существу, то въ этомъ отношеніи армія разбилась на части, подчинить которыя одному опредѣленію было бы пріемомъ нѣсколько грубымъ и мало выясняющимъ. Преобладало, конечно, чувство довольства, вызванное многими причинами, къ изложенію которыхъ мы и переходимъ.

Въ продолженіе полутора лѣтъ Россія посылала на Дальній Востокъ эшелоны войскъ, которые попадали въ боевую обстановку, много повидали, оснастились опытомъ, перестрадали и, слѣдовательно, переродились. Теперь, когда Россія будетъ встрѣчать воинскіе поѣзда, подъ знакомыми ей сѣрыми шинелями она встрѣтитъ новыхъ людей, прошедшихъ черезъ горнило испытаній.

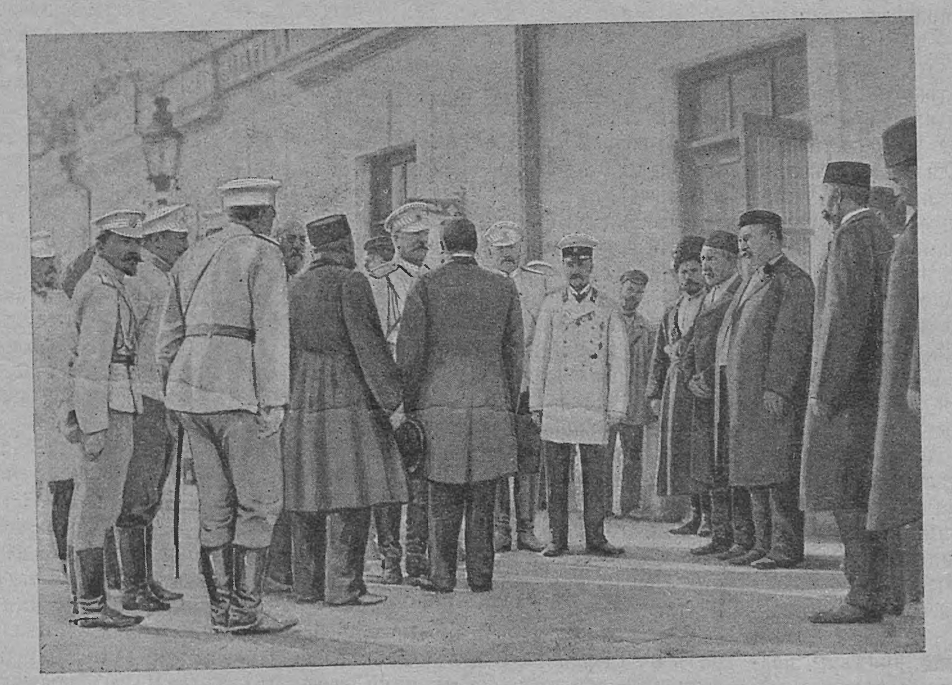
Солдатъ преобразился, но не отстало и офицерство. Послѣднее тоже многое поняло изъ тѣхъ областей, которыя не подлежали сознательной оцѣнкѣ, а тѣмъ болѣе разрушительному пересмотру.

Такимъ образомъ, армія въ моментъ мира имѣла уже новый обликъ, созданный нашими систематическими неуспѣхами. Если въ прежнія времена коренились въ арміи традиціи непобѣдимости, то теперь на смѣну пришло чувство неловкости и даже пристыженности. Считавшееся прежде необходимымъ слѣпое подчиненіе приказанію — замѣнилось критическимъ отношеніемъ и предубѣжденной недовѣрчивостью.

Части арміи не были спаяны. Въ лучшемъ случаѣ они механически соприкасались. Встрѣчавшаяся иногда взаимная поддержка частей привѣтствовалась въ приказахъ, какъ фактъ чрезвычайно радостный, заслуживающій подражанія, и изъ одних этихъ повышенныхъ похвалъ можно было видѣть, что рѣчь идетъ о фактѣ исключительномъ. Основа успѣха, элементарная обязанность взаимной поддержки возводилась на степень выдающагося явленія. Нормальное становилось исключительнымъ.

Въ этой атмосферѣ должна была усиленно заработать критическая мысль, искавшая причинъ неуспѣховъ и объясненія тому странному факту, что, при доблести отдѣльныхъ частей, сраженія неизмѣнно кончались отступленіемъ или катастрофой.

Я приведу примѣръ. Въ первомъ восточносибирскомъ стрѣлковомъ полку изъ прежняго состава насчитывается въ настоящій моментъ менѣе двухсотъ человѣкъ. Это значитъ что героизмъ и са

Къ событіямъ на Кавказѣ. — Депутація мусульманъ, излагающая на станціи Баладжары свои просьбы намѣстнику Кавказа, гр. И. И. Воронцову-Дашкову.

Съ фотографіи К. К. Булла, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

мопожертвованіе были неизмѣнными боевыми спутниками этого полка, а оставшіеся въ живыхъ должны считать себя рожденными подъ счастливой звѣздой. Но кромѣ сознанія счастья въ нихъ долженъ былъ вырасти вопросъ о цѣли принесенныхъ жертвъ, о той пользѣ для родины, ради которой загублено столько жизней. Пользы не было, а слѣдовательно, былъ виновникъ, и на него ложилась вся отвѣтственность за трагическую сдѣлку, въ которой взамѣнъ героически отданныхъ жизней—получался сплошной, безпросвѣтный позоръ.

Не все-ли равно, кто являлся виновникомъ: было-ли это одно лицо или цѣлый пучекъ запутанныхъ причинъ, но важенъ тотъ фактъ, что, начавъ поиски виновнаго, армія теряла довѣріе къ верхамъ, откуда должна была исходить руководящая и планомѣрная мысль.

Постепенно армія извѣрилась. Въ ней, конечно, не изсякли такія качества, какъ храбрость, готовность къ новымъ сраженіямъ и жертвамъ, но эти качества были парализованы безвѣріемъ. Одинъ изъ полковыхъ командировъ, — человѣкъ, заслужившій Георгія и извѣстный своею храбростью—повѣдалъ мнѣ свои взгляды на продолженіе войны.

— Я отчетливо созналъ, — говорилъ онъ мнѣ, — разницу между „необходимостью“ и „возможностью“. Намъ необходимо продолжать войну дальше, но намъ невозможно ее продолжать. Теоретическій выводъ „необходимаго“ разбивается о практическую невозможность, — таковъ пагубный расколъ, выступавшій все рельефнѣе по мѣрѣ хода кампаніи.

Прошлый опытъ, завершившійся ударомъ мукденской катастрофы, принуждалъ людей, умѣющихъ анализировать, склоняться въ сторону мира, хотя одновременно съ этимъ въ ихъ душѣ разгорался соблазнъ реванша, такъ какъ никогда Россія не достигала еще въ Манчжуріи сосредоточія такой огромной арміи. Соблазнъ помѣряться еще разъ силами съ Японіей былъ похожъ на горячій порывъ, на вспышку надежды вернуть своей родинѣ ея прежнюю непомраченную славу. Но, по мѣрѣ размышленія, горячность остывала, а вмѣстѣ съ тѣмъ блѣднѣли надежды. Воспоминанія прошлаго бросали тѣнь на будущее.

Когда наступалъ такой процессъ разрушенія вспыхнувшей надежды—мнѣ становилось яснымъ тогда, что внутри этихъ людей все уже перегорѣло и только тлѣются одиночныя искры, согрѣвающія на одинъ мигъ невѣріе разсудка. Послѣдній чаще всего оставался побѣдителемъ. Мнѣ говорили о томъ, сколько темныхъ сторонъ было въ прошлыхъ сраженіяхъ. Личные счеты, личное благо доминировали часто надъ интересами родины; шкурный вопросъ обнаруживался иногда съ такимъ обнаженнымъ цинизмомъ, что на этотъ счетъ невозможно было обмануться, даже при болѣзненной склонности къ розовымъ иллюзіямъ. И всѣ эти антибоевыя качества проявлялись рѣзче всего среди высшаго персонала, для котораго цѣнность жизни слагалась изъ двухъ величинъ: инстинкта самосохраненія и выслуженной пенсіи, обезпечивающей безмятежное существованіе.

Спускаясь съ этихъ олимпійскихъ высотъ въ низъ арміи, въ среду офицерства и солдатъ, все чаще приходится встрѣчать бодрящія картины, чуждыя компромиссовъ и повышенной самобережливости.

Съ меня спросятъ, конечно, примѣры, подтверждающіе мои голословныя утвержденія. Я считаю себя готовымъ къ отвѣту, да и кто изъ проживившихъ въ арміи не смогъ-бы привести примѣры одинъ ярче другого?

Послѣ мукденскаго боя армія начала усиленно пополняться свѣжими войсками и готовилась къ новому бою, который казался неизбѣжнымъ. Этотъ періодъ напряженія былъ болѣе чѣмъ важенъ,—онъ былъ рѣшающимъ. Каждый понималъ, что готовится послѣдняя попытка, сулившая либо нашу гибель, либо полный погромъ японцевъ.

О томъ, что предстоящій бой будетъ похожъ на ставку ва-банкъ, знали всѣ, потому что не могли ожидать отъ Леневича приказа отступать. Казалось, что въ этотъ подготовительный періодъ мы должны были-бы хоть немного пообчиститься отъ „всякія скверны“ и принять къ свѣдѣнію едва-ли не самую потрепанную истину—„въ единеніи сила“. Гибелью грозили раздоры, взаимныя обличенія, обострившееся недовѣріе.

А знаете-ли, что именно въ этотъ подготовительный періодъ, въ этотъ канунъ самаго рѣшающаго для Россіи момента командующій первой арміей, генералъ Куропаткинъ, искалъ въ арміи виновника мукденскаго погрома и, наткнувшись въ своихъ изысканіяхъ на генерала Каульбарса, бросилъ въ него обвиненіемъ.

Командующій второй арміей началъ отписываться. Его штабъ подбиралъ оправдательные документы и разросталось новое, совершенно неожиданное дѣлопроизводство. Кропотливые разборы наполовину позабытыхъ деталей, отвлеченіе силъ многихъ офицеровъ штаба и растущее недружелюбіе, какое бываетъ между прокуроромъ и оправдывающимся обвиняемымъ.

Необходимо еще добавить къ этой картинѣ, что штабы командующихъ отличаются зачастую прямо умилительной преданностью, и все, навлекающее неудовольствіе командующего арміей, вызываетъ тѣ-же чувства въ его штабѣ. Это совершается почти рефлекторно, съ предвзятой вѣрой въ правоту господина.

Такимъ образомъ, если произошло столкновеніе на дѣловой почвѣ между Куропаткинымъ и Каульбарсомъ, это значитъ—въ этотъ раздоръ втянуты ихъ штабы, а можетъ быть, острая обида распространилась и на часть арміи. Трудно, конечно, отдѣлить чисто дѣловую обиду отъ личныхъ отношеній, въ которыя, такъ или иначе, тоже вплелось глухое взаимное недовольство двухъ лагерей.

Я спрашиваю: развѣ подходящее время на войнѣ заниматься такими раздорами, вовлекая въ нихъ цѣлый кругъ людей, отъ которыхъ требуется государственная служба, а не участіе въ импровизированной судебной волокитѣ. Любопытно посмотрѣть эти два расколовшіеся лагеря при ихъ встрѣчѣ въ бою, гдѣ прежде всего необходима взаимная поддержка.

Я взялъ самый яркій примѣръ, иллюстрирующій неумѣстные и вредные счеты, но могу еще указать на факты такого же безпорядка: 17-й и 6-й корпусы обвиняютъ другъ друга въ преждевременномъ отступленіи отъ мукденскихъ позицій. Стоило шестому корпусу засвидѣтельствовать въ своихъ показаніяхъ, что онъ видѣлъ безпорядочно отступавшія части 17-го корпуса, какъ этотъ послѣдній началъ уличать своего обвинителя въ томъ же преступленіи. Здѣсь, конечно, не важенъ вопросъ, кто изъ спорящихъ сторонъ правъ, хотя въ этомъ случаѣ необходимо предпочесть показанія 6-го корпуса; важенъ фактъ взаимныхъ обличеній наканунѣ рѣшающаго момента.

Временно командовавшій 3-й арміей, генералъ Бильдерлингъ, встрѣчаетъ 6-ой корпусъ и пропускаетъ его маршемъ мимо себя. Это происходитъ въ боевой обстановкѣ, когда показная сторона должна была сама собою отойти на задній планъ. Генералъ Бильдерлингъ этого не понялъ.

Онъ не додумался до безхитростнаго открытія императора Вильгельма, который простилъ своимъ войскамъ на мирномъ парадѣ дефекты марша, указавъ, что японцы побѣдили русскихъ не церемоніальнымъ маршемъ, а другими боевыми качествами.

Можетъ быть, генералъ Бильдерлингъ все это зналъ, но тогда, значитъ, въ основу его приказа легли своеобразные мотивы. А въ приказѣ по арміи, между прочимъ, отмѣчалось, что 6-й корпусъ шелъ какъ стадо барановъ.

Оскорбительный приказъ! Онъ къ тому же безполезенъ для дѣла, потому что бичуетъ показную сторону, ничуть не улучшая боевой подготовки войскъ.

Когда я былъ въ шестомъ корпусѣ, мнѣ дали разгадку этого приказа. Между генераломъ Бильдерлингомъ и командиромъ корпуса пробѣжала черная кошка, результатомъ чего явился приказъ, бьющій по всему корпусу.

Здѣсь опять не важно углубляться въ коренное разслѣдованіе причинъ. Важно только то, что на глазахъ у войскъ происходятъ личные счеты, въ которыхъ побѣда неизмѣнно остается на сторонѣ болѣе высокой персоны. Войска сжились съ мыслью о томъ, что во имя раздора двухъ пановъ оскорбляются цѣлые корпусы.

Отсутствіе сплоченности среди генералитета указывало, что въ этомъ слоѣ недостаетъ идейности, недостаетъ того императива, который заставилъ-бы жертвовать личными стремленіями на общее благо.

Въ вопросѣ о взглядѣ на миръ интеллигентной части арміи не послѣднее вліяніе имѣла такая обстановка, отчасти напоминавшая удѣльный періодъ. Было ясно, какъ день, что отсутствіе единенія въ руководящихъ сферахъ можетъ погубить наше дѣло, нашу послѣднюю ставку ва-банкъ.

Такова одна изъ причинъ, въ силу которой была подорвана вѣра въ успѣхъ.

Борисъ Демчинскій.

Годзядань, 28-го августа.

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

На голодающихъ...

Это было въ 91 году.

Какъ только раздались первые стоны огромной нужды, на борьбу съ которой выѣхалъ Левъ Николаевичъ,—наша Полтавская община, гдѣ насъ жило и работало болѣе 15 человѣкъ, отрядила пятерыхъ въ помощь Льву Николаевичу, а остальные принялись за собираніе пожертвованій на мѣстѣ.

Мы разбили городъ на участки и, взваливъ на плечи по большому мѣшку съ корзиной, стали обходить дома и лавки обывателей.

Въ городѣ насъ многіе знали и охотно давали и деньгами, и хлѣбомъ и просили даже записать ихъ на ежемѣсячные взносы.

Но нѣкоторые, въ особенности на окраинахъ, встрѣчали сердито и вскидывались:

— На голодающихъ?!. А кто вамъ далъ разрѣшеніе собирать? Знаетъ полиція?..

Находились и заступники.

— Чего лаешься? Не хочешь дать—и отверни голову, а языкомъ—что попусту на божье дѣло брехать. Надо дать, коли люди говорятъ, что нужда: имъ виднѣе...

И давали.—Бывало и такъ, что заглянешь въ домъ, стоишь у дверей и ждешь подаянія.

— На голодающихъ пожертвуйте! — говоришь въ третій и четвертый разъ.

Никто не отзывается. И въ темной, сырой квартирѣ никого не видно.

Наконецъ, въ дальнемъ углу раздается слабый, надломленный голосъ:

— У самихъ ѣсть нечего...

Тутъ, разумѣется, происходилъ процессъ обратный. Мы все выкладывали изъ корзинъ и кармановъ и записывали эти семейства, чтобъ потомъ оказывать имъ регулярныя пособія.

Такіе случаи, ставъ невольно извѣстными окружающимъ, еще болѣе увеличивали притокъ пожертвованій къ намъ.

И повсюду, гдѣ-бъ мы ни показывались, насъ встрѣчала широкая, щедрая рука даятелей, которые вѣрили, что хлѣбъ и деньги идутъ на прямое дѣло нужды.

Къ вечеру мы возвращались нагруженными, съ полными мѣшками и корзинами сухарей, хлѣба, булокъ.

А карманы отвисали, оттягченные мѣдью и серебромъ. Бывали и бумажки.

Все пожертвованія мы сносили въ земскую больницу (богоугодное заведеніе, какъ оно въ Полтавѣ называется), гдѣ трудъ завѣдыванія притокомъ пожертвованій взялъ на себя популярный въ городѣ докторъ А. А. Волькенштейнъ, состоявшій между прочимъ и домашнимъ врачемъ у губернатора.

Потомъ все собранное отправляли Льву Николаевичу для раздачи.

Въ городѣ зашевелились. Пошли толки, пересуды. О нашей общинѣ заговорили,—и дѣло пожертвованій росло неимовѣрно.

Вдругъ... Сидимъ это мы разъ вечеромъ послѣ обхода въ общей комнатѣ и дѣлимся впечатлѣніями дня. На порогѣ показывается съ широкой улыбкой доброе, красивое лицо доктора Волькенштейна.

— Я къ вамъ съ новостью, господа!.. Только что отъ своего паціента, губернатора; часъ тому назадъ онъ прислалъ за мной полиціймейстера. Мнѣ немножко это не понравилось, но, думаю себѣ, можетъ быть заболѣлъ серьезно (онъ безнадежный подагрикъ). Вхожу, здороваюсь.—Что ваши ноги?—спрашиваю.

— Спасибо,—говоритъ, ноги какъ ноги. Но теперь рѣчь пойдетъ о рукахъ.

И онъ какъ-то странно сжалъ кулаки при этомъ. У него сухія, костлявыя руки и, сжатыя въ кулакъ, онѣ еще костлявѣе выглядятъ.

— Я хочу прибрать къ рукамъ вашихъ толстовцевъ!..

Слово „вашихъ" онъ произнесъ съ нажимомъ въ голосѣ.

— Вы большую честь мнѣ оказываете,—улыбаюсь я,—но эти толстовцы, какъ вы ихъ называете, люди самостоятельные и моими не могутъ быть. Они принадлежатъ обществу, если хотите, и пользуются вліяніемъ здѣсь...

— Вотъ то-то,—вскипѣлъ онъ,—и опасно!..

Я его никогда не видѣлъ такимъ, побагровѣлъ, вскочилъ съ мѣста и трясетъ рукой локотникъ кресла.

— Имъ нельзя давать пользоваться вліяніемъ!.. Они импонируютъ своей жизнью. Помилуйте, люди образованные, интеллигентные, уже съ установившимися профессіями,—между ними есть и учителя, и художники, и юристы, и даже одинъ магистръ химіи Московскаго университета, лаборантъ профессора Морковникова,—и вдругъ эти люди съѣхались, поселились на какой-то Новопроложенной улицѣ и дѣлаютъ столы и табуретки на базаръ, хотятъ жить честнымъ трудомъ; разумѣется, это импонируетъ, привлекаетъ симпатіи и нораждаетъ въ публикѣ нежелательное теченіе мыслей. Получается критика жизни, и умы начинаютъ добираться до основъ.

Но покуда они себѣ тамъ строгаютъ за верстаками и скоблятъ желѣзками сосновыя доски,—они еще прямой опасности для государства не представляютъ. Кто о нихъ знаетъ, а кто не знаетъ.

Теперь же они своимъ сборомъ пожертвованій для голодающихъ вызвали уже совсѣмъ опасное оживленіе въ городѣ. Вы знаете, какую окраску это можетъ принять? Эта взволнованность, эта неустойчивость умовъ сейчасъ припишетъ вину нагрянувшаго на Россію бѣдствія намъ, власти, и пойдетъ броженіе. Поэтому этотъ ферментъ надо сразу обезвредить и бродильный процессъ унять. Я прошу васъ передать имъ, чтобъ они сбросили съ себя мѣшки свои и положили въ сторону корзины. Конецъ сборамъ! Пусть строгаютъ себѣ, какъ и раньше строгали, а собирать сухари не ихъ дѣло. Если же они не послушаются и будутъ попрежнему „крохоборствовать", то уполномачиваю васъ передать имъ, что сутки имѣютъ 24 часа и въ теченіе этихъ 24 часовъ они будутъ посажены на повозки со всѣми своими верстаками и рубанками и будутъ увезены въ тѣ мѣста, гдѣ лѣсъ очень дешевъ и гдѣ можно пилить и строгать, сколько угодно.

— Но, ваше превосходительство, вѣдь они не революціонеры!..—осторожно вставилъ я.

— Самые опасные, самые зловѣщіе революціонеры. Это именно они, эти евангелики, съ миной смиренія на лицахъ и со сложенными руками на груди.

Эти апостолы, проповѣдующіе „благую вѣсть",—всегда были самыми разрушительными новаторами. И, между нами говоря, не Христосъ-ли принесъ съ собой эти сѣмена! Говорю вамъ откровенно, и даже не по секрету, потому что я готовъ это самое и громко сказать всѣмъ и при всѣхъ. Говорю вамъ, что если-бы теперь, въ наши дни, сюда, въ Полтаву, прибылъ Христосъ и началъ бы свою проповѣдь о перемѣнѣ жизни, я принужденъ былъ-бы отдать приказъ полиціймейстеру Иванову Его арестовать. И Онъ былъ бы арестованъ!..

Такъ вотъ, господа!—закончилъ докторъ.

* * *

На другой же день многіе изъ насъ уѣхали въ Воронежскую губернію устраивать столовыя, а сборы въ Полтавѣ были прекращены.

Когда Л. Н. узналъ объ этомъ миломъ губернаторѣ (фамилія его Коссаговскій),—онъ сдвинулъ брови и сурово замѣтилъ.

— Вотъ кто договорился до конца! Вотъ какъ они должны всѣ поступить, а не играть въ эту двойную игру, напяливая на себя хитонъ Христовой мистики и цѣлуя книгу Его по праздникамъ, а въ остальные дни, во всемъ обиходѣ жизни и всѣми бездушными правилами своими, распиная Его безъ жалости и жестоко.

Но въ этихъ, полныхъ невыразимаго цинизма, грубыхъ словахъ зазнавшагося сатрапа, мнѣ слышится и другое. Судорожный трепетъ обезпокоеннаго ума.

И этотъ трепетъ съ виду величественнаго могущества глубоко поучителенъ. Вѣдь, если подумать только то, что, въ сущности, значитъ маленькая горсточка людей передъ кадрами вооруженныхъ и дисциплинированныхъ рабовъ, которыми владѣетъ и воленъ приказывать, что ему угодно, одурманенный властью губернаторъ.

Вѣдь, онъ все можетъ сдѣлать и, дѣйствительно, въ 24 часа, какъ ястребъ, разметаетъ это гнѣздышко ласточекъ по широкому полю, и перьевъ не найдешь.

Но это гнѣздышко, оказывается, страшно для него.

Страшно именно своей малостью и тѣмъ, куда оно можетъ проникнуть.

Мнѣ вспоминается по этому поводу одна старая легенда о Титѣ, разрушителѣ Іерусалима.

Вступивъ побѣдителемъ въ храмъ, Титъ дерзко ворвался въ Св. святыхъ, содралъ золотую завѣсу съ кивота, вынулъ свитокъ закона, швырнулъ его объ земь и сталъ топтать ногами.

— Гдѣ Богъ этого народа?!.—кричалъ онъ въ изступленіи.—Гдѣ Его могущество, о которомъ такъ много говорятъ? Вотъ я въ Его домѣ воевалъ съ Нимъ и побѣдилъ Его!..

Собравъ всѣ сокровища и золотые сосуды храма, Титъ нагрузилъ ими корабль и отплылъ въ Римъ для славы тріумфатора.

Погода была хорошая и попутный вѣтеръ надувалъ паруса, весело подгоняя судно домой.

Но вотъ поднялась сильная буря, и гордый съ позолотой корабль зашвыряло, какъ щепку, по волнамъ морскимъ.

Его стало захлестывать водой и кораблю грозило крушеніе.

Титъ заскрежеталъ зубами и воскликнулъ:

— Видно, Богъ Израиля силенъ лишь на морѣ. Нечестивое поколѣніе Ноя покаралъ Онъ водою, Фараона съ его войскомъ тоже наказалъ водою и водою же хочетъ и меня наказать. Нѣтъ, если Онъ всемогущъ, то пусть покажетъ онъ силу на сушѣ!..

Въ тучахъ что-то заблистало и съ неба послышались звуки:

— Ничтожный червь! Ты увидишь, кто положитъ конецъ твоему земному величію!..

Тучи пронеслись, вѣтеръ стихъ и волны успокоились.

Корабль благополучно достигъ земли, и Титъ, довольный, радующійся, горделиво сошелъ на берегъ и всею грудью вдохнулъ свѣжій воздухъ, несшійся съ зеленѣющихъ полей Италіи.

Онъ не замѣтилъ, какъ вмѣстѣ съ воздухомъ влетѣла въ ноздри маленькая мушка и, работая ножками, протискалась узенькимъ тѣльцемъ все выше и выше.

Онъ почувствовалъ ее тогда, когда она очутилась въ мозгу и стала точить его.

Это былъ комаръ. Никакія средства искуснѣйшихъ врачей не могли извлечь его оттуда, и Титъ сталъ мучиться въ страшныхъ страданіяхъ.

Семь тяжелыхъ лѣтъ,—разсказываютъ,—прошло у него безъ сна, безъ отдыха и нигдѣ онъ не находилъ себѣ покоя.

Разъ, проходя мимо кузницы, Титъ почувствовалъ, что комаръ, какъ бы оглушенный ударами молотовъ, пересталъ точить его мозгъ. Обрадовался Титъ и съ тѣхъ поръ заставилъ кузнеца постоянно бить молотомъ о наковальню въ его комнатѣ.

Но комаръ, оглушенный на первое время, приладился послѣ и съ большимъ рвеніемъ подъ звонъ ударовъ продолжалъ свою работу.

И Титъ не выдержалъ.

Такъ поступаютъ и Титы нашихъ дней.

И ихъ желѣзные удары разносятся по всему міру, и звяканье ржавыхъ засововъ наполнило жизнь нашу.

Но не бойся, малое стадо! Ты сидишь въ самомъ мозгу, въ самой совѣсти міра, и работа твоя увидитъ конецъ!..

И. Тенеромо.

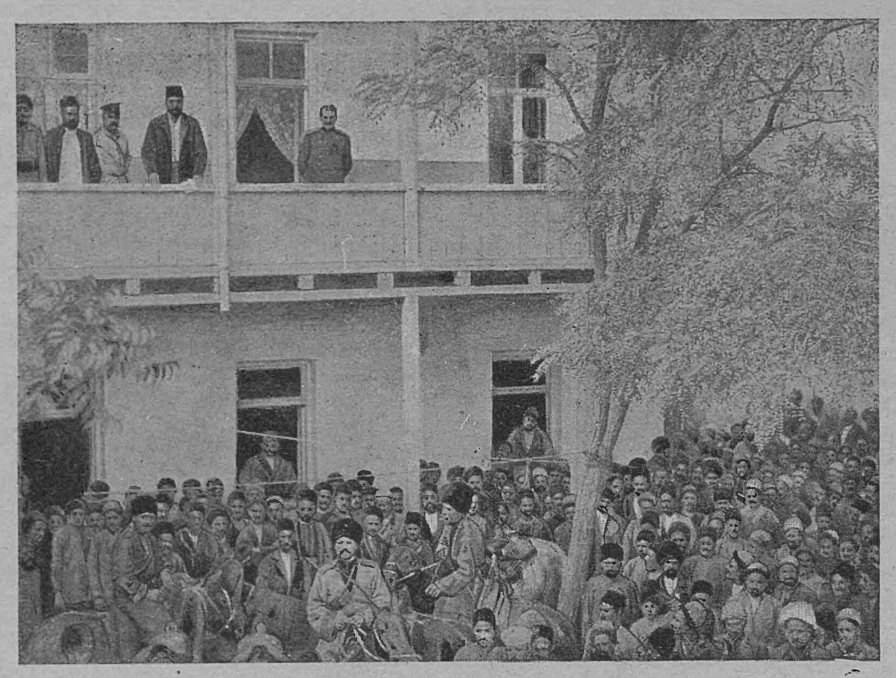

Пропавшіе безъ вѣсти.

Послѣ мукденскаго дѣла управленіе Краснаго Креста было извѣщено о пропажѣ безъ вѣсти пятаго петербургскаго летучаго отряда. Въ составъ его входили: врачи В. А. Ниловъ, П. П. Крамеръ, студенты-медики братья С. А. и В. А. Текферды, братъ милосердія г. Ивановскій и шесть санитаровъ.

На отрядѣ поставили крестъ.

Въ маѣ вдругъ изъ японскаго города Каназавы (островъ Нипонъ) отъ братьевъ Тек-

Къ событіямъ на Кавказѣ. — Персидскіе рабочіе, отправляемые на родину, въ ожиданіи безплатнаго обѣда внутри двора персидскаго консульства въ г. Баку.

Съ фотографіи К. Булла, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

фердъ была получена телеграмма. Студенты просили выручить ихъ изъ плѣна.

Пошла переписка...

Скоро сказка сказывается, но переписка всегда долго тянется.

На-дняхъ братья Текфердъ пріѣхали въ Петербургъ, послѣ полугодового плѣна. Одновременно же Красный Крестъ получилъ увѣдомленіе отъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, что плѣнные освобождены и выѣхали въ Шанхай.

Исторія же плѣненія и задержки Текфердовъ крайне оригинальна. Приводимъ ее по разсказу С. В. Текферда.

— Въ теченіе всѣхъ боевъ подъ Мукденомъ пятый летучій отрядъ работалъ на передовыхъ позиціяхъ. Приказъ объ отступленіи 26-го февраля, сообщенный намъ на два часа позже другихъ, засталъ насъ въ пятнадцати верстахъ отъ города. День былъ отвратительный — холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, тучи песку и пыли слѣпили глаза набивались въ ротъ, носъ, уши... Кругомъ былъ адъ... шла ружейная перестрѣлка, ревѣли орудія, рокотали пулеметы, ряды солдатъ то подавались впередъ, то назадъ... Главныя части войскъ уже отошли, а для задержки непріятеля были оставлены отряды подъ начальствомъ Соллогуба и Ганенфельда.

Раненыхъ было много, перевозочныхъ средствъ мало. Когда началось повальное отступленіе, мы отдали своихъ коней раненымъ, а сами пошли пѣшкомъ и скоро растерялись. Въ это время появилась масса японскихъ кавалерійскихъ отрядовъ, охватившихъ отступавшихъ кольцомъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ взялъ въ плѣнъ и меня, что же сталось съ товарищами по работѣ и братомъ, въ тотъ моментъ мнѣ было неизвѣстно.

Японскій разъѣздъ сдалъ меня пѣхотной части, подъ конвоемъ которой находилось уже не малое число нашихъ плѣнныхъ. Первое, что продѣлали со мной японцы, это сняли съ меня оригинальный допросъ безъ словъ. Мнѣ былъ данъ вопросный листокъ, вродѣ нашихъ паспортныхъ, или прописочныхъ, въ которомъ предложили собственноручно вписать отвѣты: имя, отчество, фамилію, родъ занятій, должность, чинъ, часть войска, при которой состоялъ, и т. д. Насъ повели пѣшкомъ отъ этапа до этапа. Такъ шли сто верстъ до Шахэ. На каждомъ этапѣ неукоснительно вручался новый вопросный листокъ, который я долженъ былъ заполнить.

Только послѣ оказалось, что вопросные листки—это цѣлая система контроля.

Листки пересылались съ этапа на этапъ и свѣрялись, но о результатахъ провѣрки намъ не говорили до Дальняго. Одинъ изъ санитаровъ въ одномъ изъ листковъ написалъ, что онъ санитаръ, въ другомъ — мѣщанинъ, въ третьемъ опять что-то другое, и для него вышла крупная непріятность, подозрительные японцы сейчасъ же его изолировали, и куда онъ дѣлся, мнѣ неизвѣстно. На другой день на одномъ изъ этаповъ я встрѣтился съ моимъ братомъ Владиміромъ, и намъ предложили перевязывать нашихъ плѣнныхъ.

Относились японцы къ намъ весьма корректно и вѣжливо. Кормили неважно, однѣми галетами. Но это они объясняли необходимостью и случайностью. По ихъ словамъ, они никакъ не ожидали такого громаднаго количества плѣнныхъ, а потому совершенно не подготовились продовольствовать гостей.

Извѣстный художникъ Н. К. Пимоненко.

(Къ 25-лѣтію художественной дѣятельности).

Отъ Шахэ до Дальняго насъ везли уже по желѣзной дорогѣ въ товарныхъ вагонахъ. Въ Дальнемъ перешли на японскій пароходъ и 8-го марта привезли въ карантинъ Нинашмо, гдѣ первымъ дѣломъ заставили принять ванну, нѣчто вродѣ купели на 10 человѣкъ. Въ карантинѣ продержали 8 дней, и здѣсь же производилась разсортировка плѣнныхъ. Насъ съ братомъ назначили въ Каназаву, а остальныхъ врачей—въ Кіото.

Въ Каназавѣ подъ помѣщеніе плѣнныхъ отвели музей, находящійся въ центрѣ города, въ большемъ паркѣ. Въ музеѣ помѣстили 40 офицеровъ, а въ баракахъ до 6 тысячъ нижнихъ чиновъ, но такъ, что офицеры не могли сообщаться съ солдатами. Площадь кругомъ музея и бараковъ обнесли рѣшеткой. Мы были какъ бы въ клѣткѣ.

Меня и брата помѣстили отдѣльно, и къ намъ японцы относились съ большою подозрительностью. Они никакъ вначалѣ не могли понять нашу роль при арміи. Имъ казалось страннымъ, что студенты замѣняютъ врачей. Благодаря этому, насъ не водили въ городъ, не позволяли писать писемъ или дать о себѣ извѣстіе. Лишь въ концѣ

Къ событіямъ на Кавказѣ. — Пепелище сгорѣвшаго промысла въ Балаханахъ.

Съ фотографіи К. Булла, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Н. Д. Сазоновъ,
казанскій предводитель дворянства.

Ю. А. Новосильцевъ,
темниковскій предводитель дворянства.

А. Н. Колжинъ,
подольскій губернскій предводитель дворянства.

Н. П. Муратовъ,
ковроэскій уѣздный предводитель дворянства.

Русскіе общественные дѣятели.

мая разрѣшили послать телеграмму въ Красный Крестъ.

Въ Канazавѣ плѣнными завѣдывалъ полковникъ Такаки, человѣкъ грубый, дерзкій и несимпатичный. Наша стража, японскіе офицеры и солдаты отзывались о немъ скверно и возмущались излишними придирками и строгостью по отношенію къ намъ. Когда мы вздумали обратиться къ японскому военному министру съ жалобой на неправильное задержаніе насъ въ плѣну и изъ ряда выходящія строгости, граничащія съ жестокостью, Такаки вернулъ жалобу съ помѣткой, что онъ заботится о насъ и знаетъ, что дѣлаетъ. Въ Канazавѣ къ плѣннымъ относились особенно строго. И вотъ почему. Еще вначалѣ наши солдатики вздумали освободиться изъ плѣна и разгромить городъ.

Былъ составленъ цѣлый заговоръ. Въ одинъ прекрасный день они бросились на стражу, обезоружили ее, поломали рѣшетки и двинулись было на городъ. Японцы моментально вызвали войска и началась бойня. Конечно, наши должны были скоро положить оружіе, такъ какъ и его и зарядовъ было слишкомъ мало.

Подробности этой исторіи намъ неизвѣстны, но убитыхъ и раненыхъ было довольно какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Кормили насъ неважно, и мы должны были подкармливаться на свой счетъ. Въ помѣщеніи плѣнныхъ японцы устроили лавку, конечно, торговали японцы, въ лавкѣ же сидѣлъ японскій унтеръ-уфицеръ, записывавшій, кто изъ плѣнныхъ что покупалъ. На таксу японскіе торговцы не обращали вниманія, а чтобы ихъ же офицеры не придирались, то лавочникъ дарилъ имъ время отъ времени ящиками сигары. Даяніе принималось, и все шло хорошо. Совсѣмъ, какъ у насъ!

Тяжелое положеніе усугублялось презрительнымъ отношеніемъ японцевъ къ нашимъ офицерамъ, подававшимъ поводъ къ этому на каждомъ шагу. Это вызывало въ японцахъ какую-то брезгливость.

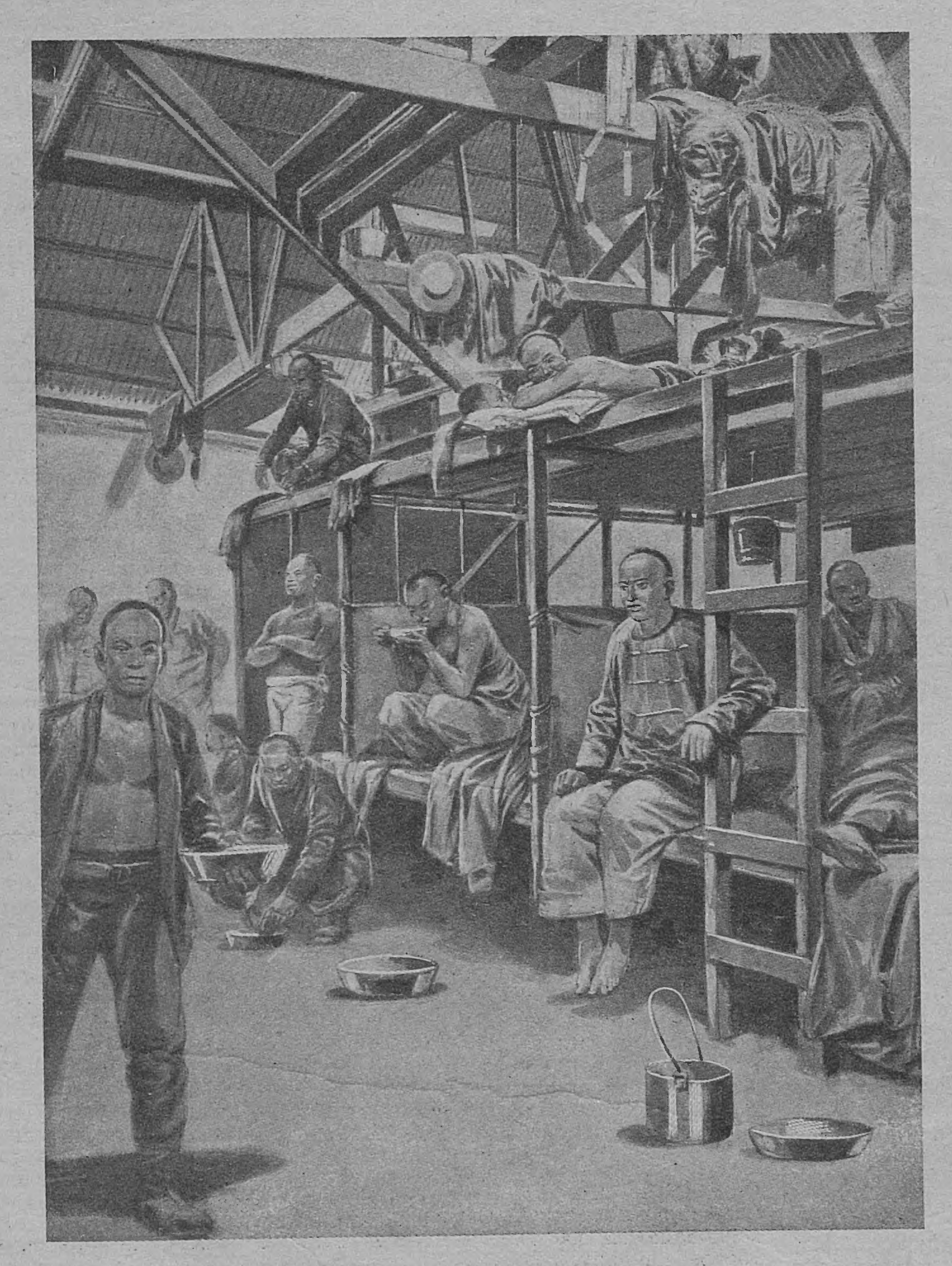
Капитанъ Лингевскій, бывшій жандармскій офицеръ въ Одессѣ, не только избилъ своего деньщика, но прямо искалѣчилъ его и почти оторвалъ ему ухо. Вызывали японскаго хирурга, который пришилъ ухо на мѣсто. Прапорщикъ запаса Н. вздумалъ издавать рукописную газету, въ которой помѣщалъ изъ французскихъ и англійскихъ газетъ все, что касалось Россіи. Въ одномъ изъ нумеровъ рукописной газетки было описано январьское петербургское событіе.

Нѣкій драгунскаго полка ротмистръ Колосовъ конфисковалъ этотъ нумеръ и заявилъ, что передастъ его по пріѣздѣ въ Россіи по начальству, а Н. попроситъ арестовать на границѣ.

Тяжело вспоминать все это, всю некорректность поведенія товарищей по несчастію.

Никакихъ посылокъ, ни денегъ наши плѣнные не получали, только разъ на Пасху выдали офицерамъ по тридцати рублей. Газеты и журналы разрѣшили получать. Съ первыхъ чиселъ іюня строгости ослабили, позволили даже ѣздить купаться въ море, но оно было слишкомъ далеко, за 10 верстъ.

Въ концѣ іюля мѣсяца переводчикъ-японецъ сообщилъ

Жилища-клѣтки, въ которыя загоняетъ нужда китайскихъ рабочихъ на алмазныхъ пріискахъ въ Южной Африкѣ.

Съ рисунка Г. Кека, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

намъ по секрету, что скоро будемъ освобождены.

И дѣйствительно, дня черезъ два, въ четыре часа ночи, меня и брата разбудилъ японскій офицеръ и велѣлъ немедленно собрать вещи. Черезъ часъ мы были готовы. Обыскали насъ до послѣдней нитки, перечитали каждую записку и въ шесть часовъ вывели за ворота тюрьмы.

Ура! Мы свободны, конечно, условно. Вокзалъ въ концѣ города, и, пока добрались до него, прошло еще часа полтора. Шли пѣшкомъ, такъ какъ въ карманѣ было всего 25 копѣекъ, вещи везъ рикша за нашъ счетъ. Послѣдній двухривенный отдали ему.

Подъ конвоемъ переводчика сѣли въ вагонъ третьяго класса; на другой день были уже въ Кіото, а еще черезъ день въ Нагасакахъ, а тамъ прямо на пароходъ „Туранъ" компаніи „Messageries maritimes".

Какъ за время плѣна, такъ и въ пути, въ одномъ вагонѣ съ японцами, они относились къ намъ съ холоднымъ равнодушіемъ. Если мы не видѣли къ себѣ сочувствія, то не видѣли и непріязни.

Въ теченіе переѣзда по желѣзной дороги, на остановкахъ въ городахъ, мы не встрѣчали молодежи, все старики и пожилые люди. Вездѣ стоятъ гарнизоны, но солдаты или большею частью калѣки, выздоравливающіе отъ ранъ и болѣзней, нажитыхъ на войнѣ, или пожилые люди.

Подъ конецъ переводчикъ такъ разоткровенничался, что самъ обратилъ наше вниманіе на это и сообщилъ объ отправкѣ въ армію послѣдняго набора призывныхъ.

На „Туранѣ" мы встрѣтились съ нашими товарищами-врачами. Плаваніе началось съ аваріи. „Туранъ" около Сайгона наскочилъ на камень, и въ этомъ портѣ мы чинились двѣнадцать дней.

***

Какъ ищутъ преступника.

Изъ записокъ Горона, бывшаго начальника парижской полиціи.

Ни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, ни въ народныхъ университетахъ у насъ нигдѣ нѣтъ каѳедры полицейскаго дознанія, т. е. изслѣдованія того вѣчно неизвѣстнаго икса, которымъ является скрывшійся преступникъ.

Но, можетъ быть, существуютъ какія-нибудь общія правила, руководящія рѣшеніемъ этой задачи?

Существуетъ—одно-единственное правило: немедленно схватить преступника. А какъ и гдѣ,—этого не прочтешь ни въ какихъ книгахъ, а особенно въ инструкціяхъ. „Онъ", „его" выслѣдить, схватить, посадить въ тюрьму—вотъ денная и нощная забота начальника полиціи.

Между прочимъ, спѣшу разрушить легенду, будто въ Парижѣ каждый день случается по убійству.

Я былъ начальникомъ парижской полиціи 25 лѣтъ, и на протяженіи этого значительнаго времени могъ зарегистрировать не болѣе 4—5 крупныхъ преступленій въ годъ. Разумѣется, я говорю лишь объ убійствахъ, жертвой которыхъ могъ сдѣлаться всякій состоятельный человѣкъ,—объ убійствахъ съ цѣлью грабежа, и совершенно не принимаю во вниманіе убійствъ романическихъ или происшедшихъ въ какой-нибудь пьяной свалкѣ.

Съ чего надо начать полиціи, чтобы открыть виновника даннаго преступленія? Какъ ни грустно признаться, но я самъ неоднократно не находилъ отвѣта на этотъ вопросъ, стоя передъ трупомъ убитаго. Сознаюсь и еще: очень и очень многіе преступники легко ускользнули бы отъ меня, да и отъ всякаго начальника полиціи, если-бъ не ихъ собственная глупость, или какая-нибудь случайность, выданная потомъ за „бдительность нашей полиціи". Секретъ въ томъ, что отвѣтственные за поимку преступника чиновники большей частью основываются на заключеніяхъ, выведенныхъ изъ чисто логическихъ посылокъ, и всегда слишкомъ поздно сознаютъ, что эта ихъ логика не имѣетъ ни малѣйшей связи съ дѣломъ и словомъ преступника. Для раскрытія преступленія не существуетъ никакой методы, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Есть нѣсколько шаблоновъ, почти противорѣчащихъ другъ другу.

Въ одно прекрасное утро служанка одинокой дамы отворяетъ, какъ обыкновенно, дверь въ комнату своей госпожи... И въ дикомъ ужасѣ вылетаетъ обратно. Она нашла барыню въ лужѣ крови съ перерѣзаннымъ горломъ. Она поднимаетъ крикъ, приходитъ швейцаръ, собираются дворники, появляется представитель полицейской власти и телефонируетъ прокурору, слѣдователю и начальнику сыскного отдѣленія. Всѣ эти чины немедленно являются на мѣсто происшествія и... Они видятъ трупъ несчастной женщины съ перерѣзаннымъ горломъ, и ничего болѣе. Тутъ—точка.

Чтобы хоть немного оріентироваться, они посылаютъ за врачемъ, который только и можетъ, что констатировать смерть, и за г. Бертильономъ, оффиціальнымъ фотографомъ полицейской префектуры, который сдѣлаетъ рядъ снимковъ съ трупа и комнаты.

„Все это очень хорошо", бормочетъ себѣ подъ носъ начальникъ сыскного отдѣла: „Но малѣйшій слѣдъ убійцы былъ бы куда полезнѣе"...

Ничего не обнаружено.

Опрашиваютъ привратниковъ, обыкновенно, весьма болтливыхъ. Они нѣмы: они ничего не знаютъ, ничего не видѣли. Наконецъ, одинъ изъ нихъ сообщаетъ, что раннимъ утромъ видѣлъ, какъ изъ дому вышелъ мужчина въ драномъ сюртукѣ, съ костяными пуговицами. Булочница, что напротивъ, тоже видѣла „одного человѣка", только онъ былъ брюнетъ и большаго роста, тогда какъ, по показанію привратника, онъ долженъ быть маленькимъ блондиномъ. Никакого единогласія добиться невозможно, и слѣдователь, послѣ нѣкотораго колебанія, бойко записываетъ, что преступникъ средняго роста и имѣетъ темные волосы.

Не угодно-ли теперь его разыскать по этимъ „примѣтамъ"!

Вскорѣ тѣло перевозятъ въ полицейскую часть для медицинскаго вскрытія.

Начальникъ сыска призываетъ толпу агентовъ и разсылаетъ ихъ всюду, гдѣ бывала при жизни жертва преступленія. Каждый что-нибудь узнаетъ.

— Я? Да, я видѣлъ, какъ она выходила изъ ресторана... съ мужчиной...

— О, да! Съ мужчиной, который былъ похожъ на южно-американца.

— Это вздоръ, г. агентъ. Часомъ позже она была со мной на базарѣ...

Проходитъ недѣля, двѣ, мѣсяцъ... Ничего. Ровно ничего.

Я еще забылъ сказать, что вмѣстѣ съ прикосновенными къ дѣлу чинами въ домъ убитой нагрянула туча репортеровъ, которые бросаются подкупать и угощать сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ убитой,—словомъ, дѣлаютъ все, чтобы обнаружить бездарность и неумѣнье полицейскаго персонала.

Затѣмъ все идетъ, какъ по писанному. Газеты поддерживаютъ возбужденіе публики. Начальникъ сыска и слѣдователь, которые уже окончательно не могутъ придумать, какому чорту продать душу за раскрытіе тайны, аккуратно прочитываютъ всѣ газеты, надѣясь напасть на какой-нибудь слѣдъ въ непроглядной тьмѣ противорѣчій.

Наконецъ, въ качествѣ награды за легіонъ мученій и сомнѣній, устанавливается убѣжденіе, что убійцей долженъ быть субъектъ, посѣщавшій такіе-то и такіе то рестораны и кофейни.

Узнаютъ даже его имя. Есть доказательства, что онъ навсегда покинулъ въ день убійства свое жилище—меблированную комнату.

Всего этого болѣе, чѣмъ достаточно. Остается только наложить на него руку и—баста!

Г. Бертильонъ судорожно роется въ своихъ антропометрическихъ снимкахъ. Сначала онъ не находитъ ничего похожаго. Потомъ открываетъ одинъ снимокъ, но—подъ другимъ именемъ. Онъ зоветъ свидѣтелей, и они, обнюхавъ каждый вершокъ фотографіи, признаютъ тожество съ убійцей. Наконецъ-то, вѣрный слѣдъ!

Полиція рѣшаетъ сжечь свои корабли и обращается за содѣйствіемъ къ прессѣ, которая теперь можетъ принести такую пользу, какой раньше приносила вредъ. Примѣты оглашаются на страницахъ всѣхъ газетъ; бертильоновскій снимокъ печатается во всѣхъ видахъ.

Черезъ два дня префектъ полиціи получаетъ телеграмму: „убійца арестованъ въ ту минуту. когда собирался сѣсть на пароходъ, уходящій въ Александрію".

Еще черезъ двое сутокъ приходитъ телеграмма, но изъ Граца: „или всѣ примѣты лгутъ, или голубчикъ въ нашихъ рукахъ"... Начальникъ съ минуту колеблется: Египетъ или Штирія? Тутъ онъ вспоминаетъ драный сюртукъ и костяныя пуговицы и рѣшаетъ--въ Грацъ... По дѣтски, безсмысленно, если хотите, но рѣшается именно такъ.

Послѣ нѣкоторыхъ формальностей заподозрѣнный субъектъ выданъ французскимъ властямъ и доставленъ въ Парижъ.

Всѣмъ обвиненіямъ онъ противопоставляетъ полнѣйшее запирательство. Его сводятъ на очную ставку съ свидѣтелями, которые болѣе или менѣе обличаютъ его, и, наконецъ, съ его злополучной жертвой, тѣло которой хранится въ особомъ холодильникѣ. Онъ равнодушно смотритъ на трупъ и говоритъ:

— Я никогда не видѣлъ этой женщины.

Наконецъ, онъ устаетъ отъ пребыванія въ камерѣ, ему хочется положить конецъ всѣмъ этимъ допросамъ, ставкамъ, разъѣздамъ и переѣздамъ изъ камеры къ слѣдователю и обратно, онъ чувствуетъ, что все болѣе и болѣе отягощаетъ свое положеніе, и кончаетъ мыслью о снисканіи милостей правосудія путемъ открытаго признанія въ своемъ „дѣлѣ".

Ко всему этому онъ уже достаточно „обработанъ" чиновниками, которые отнюдь не смотрятъ на него, какъ на злодѣя, на звѣрское чудовище, а обращаются и гов рятъ съ нимъ, какъ съ товарищемъ, такъ что онъ, растрогавшись, начинаетъ, думать, что эти молодцы, пожалуй, не хуже его способны отправить барыню на тотъ свѣтъ.

Между этими „молодцами" онъ начинаетъ искать самаго симпатичнаго, чтобы своимъ сознаніемъ способствовать его карьерѣ.

Онъ вспоминаетъ, что еще на вокзалѣ его напоилъ и накормилъ начальникъ сыскного отдѣла, да еще избавилъ его отъ мучительнаго любопытства и замѣчаній публики. Этотъ-же чинъ былъ съ нимъ особенно мягокъ и вѣжливъ въ разныхъ обстоятельствахъ, когда такія качества весьма цѣнны. Вотъ, кому надо сознаться!

На другой-же день преступникъ требуетъ свиданія съ начальникомъ и признается во всемъ...

Въ заключеніе, скажу, что пресловутая „система отпечатокъ" Бертильона очень хороша тогда, когда преступникъ дога-

дался оставить на бутылкахъ, стаканахъ или мебели эти самые отпечатки своихъ пальцевъ. Но, къ сожалѣнію, современные убійцы усвоили принципъ величайшей чистоты „операцій" не хуже знаменитыхъ хирурговъ. Они понимаютъ, что и тутъ неопрятность ведетъ къ „смертельнымъ послѣдствіямъ".

Современныя убійства совершаются по всѣмъ правиламъ антисептики,

Страна женскихъ клубовъ.

Одной изъ особенностей столь богатой диковинками Америки является развитіе женскихъ клубовъ, не только количественное, но и качественное. Въ одномъ калифорнійскомъ штатѣ насчитывается 10.000 клубовъ, входящихъ въ составъ „союза женскихъ клубовъ въ Соединенныхъ Штатахъ"! Въ любомъ другомъ штатѣ женскихъ клубовъ больше, чѣмъ во всей Англіи мужскихъ, не исключая и Лондона. Большая часть клубовъ открыта въ послѣдніе десять лѣтъ, но нѣкоторые основаны еще въ 1865 году. Основной цѣлью женскихъ клубовъ въ Америкѣ является эмансипація слабѣйшаго пола. Выясняющіяся съ теченіемъ времени другія цѣли столь же разнообразны, сколь и характеры женщинъ, основательницъ клуба. Напримѣръ, въ Калифорніи существуетъ женскій клубъ „Піонеръ", въ который могутъ вступать членами лишь потомки первыхъ американскихъ переселенцевъ... Замѣчательно, что знаменитѣйшія женщины Америки принимаютъ, сравнительно, малое участіе въ „клубномъ" движеніи. Не только богатыя, но и недостаточныя женщины посвящаютъ большую часть своего времени клубной жизни. Надо замѣтить, что жены ремесленниковъ, коммиссіонеровъ и т. п., вслѣдствіе житья въ меблированныхъ комнатахъ и на полномъ пансіонѣ, имѣютъ гораздо больше свободнаго времени, чѣмъ въ Европѣ. Кромѣ того, американки ищутъ общества, и клубъ является легчайшимъ удовлетвореніемъ этой потребности. Помѣщенія богатыхъ клубовъ роскошно отдѣланы; прислуга въ нихъ мужская и носитъ ливрею.

Въ восточныхъ штатахъ есть женскіе клубы, сочлены которыхъ играютъ въ азартныя игры, курятъ (даже опіумъ пьютъ),—словомъ, предаются всѣмъ тѣмъ излишествамъ, которыя до сихъ поръ составляли недостатокъ мужчинъ. На Западѣ это явленіе совершенно неизвѣстно. Почти половина женскихъ клубовъ включила въ предметъ своихъ занятій изученіе и критическій разборъ литературныхъ произведеній; Шекспиръ и Браунингъ пользуются наибольшей популярностью. Есть клубы, предназначенные исключительно для художницъ, поэтессъ или женщинъ-драматурговъ; клубы для собирательницъ старинняго фарфора, для поддержанія историческихъ деревьевъ и зданій; клубы для упражненія женщинъ въ искусствахъ и ремеслахъ, особенно въ выжиганіи по дереву и переплетномъ мастерствѣ; клубы для возстановленія старинной прялки и т. д.

Впрочемъ, какова бы ни была задача клуба, желающихъ попасть въ число его членовъ всегда находится больше, чѣмъ достаточно. Каждый клубъ имѣетъ опредѣленное число засѣданій въ мѣсяцъ: собранія, посвященныя отчетамъ о дѣятельности и имуществѣ клуба, посѣщаются неохотно; зато на музыкальные, литературные и танцовальные вечера сочленовъ отбою нѣтъ. Война между Россіей и Японіей вызвала во всѣхъ женскихъ клубахъ горячія рѣчи и пренія. Характерно, что обсужденіе любой темы никогда не занимало двухъ засѣданій. Такъ, военное, политическое и экономическое устройство и положеніе Японіи было обсуждено въ одинъ вечеръ, а вся Россія — въ слѣдующій! Каждая тема освѣщается съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Каждый городъ или селеніе, располагающее возможностью имѣть хоть одну собственную газету, непремѣнно имѣетъ и женскій клубъ. Во главѣ клуба стоитъ предсѣдательница; выбираются кромѣ того еще секретарша и казначейша. Обязательный ежегодный взносъ колеблется отъ 2 до 200 рублей. Мѣсто предсѣдательницы представляется весьма заманчивымъ для огромнаго большинства американокъ. Обыкновенно выставляютъ двухъ кандидатокъ, и избирательные моменты проходятъ не менѣе бурно, чѣмъ въ парламентѣ. А если дѣйствіе происходитъ въ особенно многолюдномъ клубѣ, то весьма нерѣдко выборы кончаются тѣмъ, что партія недовольныхъ выходитъ изъ состава членовъ и основываетъ свой собственный клубъ.

ТАЙНА ГЛАМИССКАГО ЗАМКА.

Чрезвычайно странная исторія обошла страницы всѣхъ англійскихъ газетъ. На этихъ дняхъ молодой лордъ Гламисъ, статный гусаръ, сталъ совершеннолѣтнимъ. Въ день своего совершеннолѣтія онъ, какъ говорятъ, долженъ былъ узнать мрачную тайну, которая въ теченіе столѣтій тяготѣетъ надъ родовымъ Гламисскимъ замкомъ. Въ замкѣ есть таинственная комната, правда о которой извѣстна только самому графу Стратморскому владѣтелю Гламиса, его наслѣднику и управляющему замкомъ. Суевѣріе населило комнату всевозможными выходцами съ того свѣта; однако, не взирая на эти, основанные на старинныхъ преданіяхъ, слухи, въ Гламисскомъ замкѣ дѣйствительно погребена какая-то незабытая до сихъ поръ трагедія. Чрезвычайныя мѣры, принятыя для охраны комнаты, заставляютъ предполагать, что эта „тайна" гораздо болѣе реальна, чѣмъ, вообще, можно было-бы подумать.

Одно изъ популярнѣйшихъ рѣшеній этой загадки открываетъ, что въ заколдованной комнатѣ находятся скелеты вождя одного изъ враждовавшихъ съ Гламисомъ клановъ, нѣкоего Огильви, и его дѣтей. Огильви съ сыновьями былъ замурованъ въ этомъ помѣщеніи; въ смертныхъ мукахъ голода несчастные загрызли другъ друга.

Другая легенда гласитъ, что въ таинственной комнатѣ замуравлены плоды незаконной любви членовъ Стратморскаго дома, на протяженіи нѣсколькихъ поколѣній.

Любой шотландецъ разскажетъ вамъ про Гламисскій замокъ слѣдующее.

Въ сѣдой древности одинъ изъ лордовъ Гламисскихъ вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ забылъ за карточнымъ столомъ, что наступало воскресенье. А когда вѣрный слуга напомнилъ ему объ этомъ, онъ поклялся громкимъ голосомъ, что не встанетъ съ мѣста, пока не кончитъ игры, хотя-бы она продолжалась до второго пришествія Господня. Едва эти слова сорвались съ его губъ, какъ появился въ комнатѣ неизвѣстный человѣкъ въ черной одеждѣ и возвѣстилъ, что все сбудется по желанію безбожнаго лорда. Съ того дня и до сего времени души игроковъ ежегодно собираются въ таинственной комнатѣ и играютъ до первыхъ пѣтуховъ...

Есть, наконецъ, еще преданіе, будто въ проклятой комнатѣ обитаетъ духъ лэди Гламисъ, которая была неправедно осуждена за чародѣйское покушеніе на жизнь Джемса V и сожжена на кострѣ.

Во всякомъ случаѣ, никакіе обстоятельства не могли до сихъ поръ заставить Стратморскихъ графовъ разоблачить тайну. Извѣстно, что нынѣшній графъ Стратморъ поклялся своему отцу хранить тайну. А покойный графъ такъ отвѣчалъ одной дамѣ, приставшей къ нему съ просьбой довѣриться ей:

— Если-бы вы могли угадать только самый родъ этой тайны, вы упали бы на колѣни и возблагодарили-бы Бога, что не знаете остального!

Этотъ-же графъ, исполняя завѣтъ предковъ, проводилъ многіе часы въ капеллѣ замка, чтобы молитвой смягчить тяготѣющія надъ его родомъ чары. Однажды онъ потребовалъ отъ своихъ изумленныхъ гостей, чтобы они не выходили изъ своихъ комнатъ, пока колоколъ не ударитъ дважды. Черезъ 20 минутъ раздался звонъ, но гости такъ и не добились отъ хозяина объясненія его страннаго поступка.

Молодому лорду Гламису, будущему графу Стратморъ, предстоитъ дать клятву хранить родовую тайну. Предварительно онъ проведетъ, вѣроятно, весьма жуткіе полъ-часа, выслушивая древнюю повѣсть, еще живущую въ душахъ современныхъ владѣтелей Гламиса.

СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ ПРОВОДИТЪ ЖЕНЩИНА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ?

Какъ извѣстно, для статистиковъ нѣтъ ничего святого. Одинъ изъ нихъ занялся недавно статистическимъ рѣшеніемъ вопроса: сколько времени простаиваетъ женщина передъ зеркаломъ въ теченіе своей земной жизни?

Дѣвочка, въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ, простаиваетъ передъ зеркаломъ около семи минутъ ежедневно. Въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ это занятіе продолжается четверть часа въ сутки. Подъ двадцать лѣтъ женщина совѣтуется съ зеркаломъ уже не менѣе получаса каждый день, а перевалившь за двадцать, посвящаетъ зеркальнымъ упражненіямъ цѣлый часъ. Статистикъ совершенно умалчиваетъ о томъ возрастѣ, когда зеркало совсѣмъ перестаетъ интересовать женщину, и заключаетъ свою статистику заключеніемъ, что въ возрастѣ отъ 60 лѣтъ и выше дамы смотрятся въ зеркало никакъ не болѣе 10 минутъ въ сутки.

Если подвести итоги, то окажется, что женщина проводитъ передъ зеркаломъ, въ теченіе своей жизни, *семь тысячъ часовъ* или почти десять мѣсяцевъ!

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что по наблюденіямъ другого, не менѣе обстоятельнаго статистика, мужчина не менѣе убиваетъ времени на „стойку" передъ зеркаломъ въ молодыхъ годахъ, въ тщетныхъ поискахъ „оригинальнаго" среди очертаній собственной физіономіи.

ПОСЛѢДНІЙ ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ СІУ.

Въ южной Дакотѣ недавно скончался 62-хъ лѣтъ „Грозное Лицо", послѣдній изъ великихъ вождей племени Сіу, водившихъ свое племя въ послѣдніе бои съ войсками Соединенныхъ Штатовъ въ серединѣ 70-хъ годовъ.

„Грозное Лицо" предводительствовалъ въ жестокой сѣчи у Блэкъ-Халля, въ 1876 году, когда генералъ Энстеръ погибъ со всѣмъ отрядомъ до послѣдняго человѣка. Вождь Сіу собственноручно вырѣзалъ сердце изъ груди генерала. Въ свое время онъ былъ опаснѣйшимъ конокрадомъ и охотникомъ за скальпами и даже въ послѣдніе годы, хотя онъ больше не пытался сопротивляться правительству бѣлыхъ и самъ носилъ форму индѣйской полиціи, все-таки не вполнѣ избавился отъ этихъ своихъ достоинствъ. У него было 7 женъ, и онъ сожалѣлъ только о томъ, что средства не позволяютъ ему завести еще больше. Чтобы очистить мѣсто для самой молодой изъ женъ, онъ вынужденъ былъ покончить съ самой старой. Ее нашли въ шатрѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Но уликъ противъ мужа не оказалось...

Возстаніе герреро въ Южной Африкѣ.
Плѣнные герреро, охраняемые германскою стражей.
Съ рисунка Отто Герлаха, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей"

10,087 милліонеровъ.

Все ихъ состояніе равно 9,000,000,000 долларовъ.—Половина всего числа приходится на Америку.—Краснокожій милліонеръ.—Ежедневный доходъ въ 7,500 долларовъ.—Въ Японіи лишь 1 милліонеръ.—Богатый монархъ.

Одна изъ нью-іоркскихъ газетъ, спеціально посвященныхъ статистикѣ, опредѣляетъ число милліонеровъ на всемъ земномъ шарѣ въ 10,087 человѣкъ, а ихъ общее состояніе въ 9 милліардовъ долларовъ. Изъ всего вышеуказаннаго числа 5,027 милліонеровъ, т. е. приблизительно половина, приходится на Соединенные Штаты; вторая половина приходится на остальныя страны свѣта, главнымъ образомъ на Европу. Въ числѣ американскихъ милліонеровъ находится одинъ краснокожій, живущій въ Аляскѣ. По статистическимъ свѣдѣніямъ, относящимся къ 1846 г. въ Нью-Іоркѣ въ то время насчитывалось 1025 богатыхъ людей, минимумъ состоянія каждаго исчислялся въ 100,000 долларовъ и 23 милліонера. Теперь число милліонеровъ Нью-Іорка опредѣляется въ 1,300 человѣкъ.

Самый богатый человѣкъ въ Австраліи, это—сэръ Джовисъ Кларкъ, состояніе котораго равно 150 милліонамъ долларовъ. Аби Бенлей одинъ изъ самыхъ крупныхъ богачей Южной Африки: онъ настолько богатъ, что для него не составило большой жертвы подарить Арміи Спасенія 80 милліоновъ акровъ земли въ Африкѣ.

Сэръ Томасъ Липтонъ со своими 25 милліонами долларовъ кажется не особенно богатымъ человѣкомъ по сравненію съ герцогомъ Норфолькскимъ, ежедневный доходъ котораго превышаетъ 7,500 долларовъ. Въ Японіи, по словамъ нью-іоркской газеты, всего только 1 милліонеръ, и это—самъ микадо. Въ имперіи микадо 44 самыхъ богатыхъ японца обладаютъ состояніемъ не ниже ¼ милліона долларовъ. Американскій сенаторъ Кларкъ, кажущійся бѣднымъ человѣкомъ по сравненію съ нефтянымъ королемъ Рокфеллеромъ, богаче однако всѣхъ 44 японскихъ богачей вмѣстѣ взятыхъ. Но зато въ Японіи почти не встрѣтить нищихъ, которыхъ такъ много и въ Старомъ и въ Новомъ свѣтѣ; пожалуй, нигдѣ національное богатство не распредѣлено столь равномѣрно, сколь въ имперіи микадо.

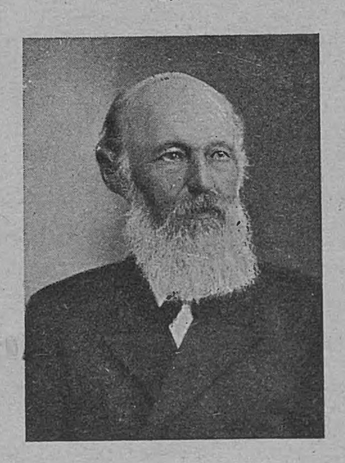
Изъ монарховъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ это—персидскій шахъ. Онъ можетъ себѣ позволить носить въ своемъ головномъ уборѣ брилліантъ стоимостью въ 4 милліона долларовъ.

КАРМАННОЕ „МОНТЕ КАРЛО".

Такъ жители добраго стараго города Вѣны называютъ новую игру, приборъ для которой имѣетъ видъ изящныхъ часиковъ, съ изображеніемъ игорнаго дома въ Монте-Карло на циферблатѣ. Въ настоящее время эта популярнѣйшая въ Вѣнѣ игра, предаваясь которой, можно, впрочемъ, неожиданно познакомиться съ полиціей по обвиненію въ „запрещенной азартной игрѣ"... Часики устроены на подобіе рулетки въ Монте-Карло; роль шариковъ здѣсь исполняетъ стрѣлка. Къ часамъ прилагается игорная табличка, также заимствованная изъ Монте-Карло.

Съ помощью часовъ и таблички можно, такимъ образомъ, открыть хоть цѣлый игорный домъ. Насколько „карманное Монте-Карло" успѣло завоевать симпатіи вѣнцевъ, доказываетъ то обстоятельство, что до сихъ поръ продано болѣе 20000 игорныхъ часиковъ.

Этотъ приборчикъ нашелъ самое широкое распространеніе во всѣхъ слояхъ городского населенія. Полувзрослые юнцы уже носятъ Монте-Карло въ карманѣ, на часовой цѣпочкѣ. А нѣкоторые „добрые малые" и шагу не ступятъ безъ этого украшенія. Служащіе въ конторахъ пользуются каждымъ свободнымъ моментомъ, чтобы „перекинуться двумя ударами. „Недавно видѣли, какъ двое играли на ходу, на улицѣ... Убожество духовныхъ интересовъ въ буржуазномъ населеніи Вѣны — благодарная почва для всякихъ ухищреній азарта.

Первый выборный ректоръ харьковскаго университета
проф. Л. В. Рейнгардтъ.

ДОМА ДЛЯ БѢДНЫХЪ.

Питтсбургскій милліонеръ Генри Фипсъ завѣщалъ 2.000,000 рублей на устройство домовъ для бѣдныхъ. Эти жилища должны во всѣхъ отношеніяхъ превзойти все сдѣланное до сихъ поръ въ этомъ направленіи. Фипсъ разработалъ свой планъ задолго до смерти. Въ настоящее время уже приступлено къ сооруженію 20 такихъ домовъ въ большихъ городахъ Сѣверной Америки. Постройка зданій обойдется, по приблизительному подсчету, въ 5.000,000 рублей; самыя зданія состоятъ изъ шести этажей, съ большимъ внутреннимъ дворомъ, украшеннымъ двумя фонтанами. Въ нижнемъ этажѣ будетъ помѣщаться „дѣтскій садъ" для 200 дѣтей. Чердаки, гигіеническія прачешныя, печи для мусоросожиганія, электрическое освѣщеніе, санитарныя помѣщенія, ванныя—все это разсчитано на каждую семью въ отдѣльности. Квартирная плата назначена не свыше 30 рублей въ мѣсяцъ, что, напримѣръ, для Нью-Іорка является верхомъ дешевизны; количество комнатъ въ каждой квартирѣ колеблется отъ 2 до 4. При аккуратномъ поступленіи этихъ платежей дома могутъ существовать безъ убытка, а для бѣднаго населенія густо населенныхъ американскихъ городовъ явятся сущимъ благодѣяніемъ.

Возстаніе герреро въ Южной Африкѣ.—Переговоры губернатора германскихъ колоній въ Южной Африкѣ съ вождями возставшихъ туземцевъ.
Съ рисунка Отто Герлаха, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Проппeръ.